

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОМИ И СААМОВ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX вв.

Истоки контактов коми и саамов уходят в относительно глубокую древность. Можно предполагать, что их первоначальные встречи имели место где-то в бассейнах Мезени, Пинеги и, возможно, нижней Печоры, куда прямые предки коми начали переселяться в XII—XV вв. В очерченном регионе встречаются топонимы саамского происхождения (например, Нюхча по-саамски означает лебедь)¹. В удорском диалекте коми языка до сих пор сохранились слова, являющиеся также несомненными заимствованиями: токты (гагара)=тохт (гагара); чукчи (глухарь)=чукча (глухарь); тивти (ястреб)=чйвт (ястреб) и т. д. Эти, хотя и немногочисленные, примеры позволяют считать, что в данной местности в указанные века еще сохранились какие-то очаги древнесаамского населения (или их ближайших предков). Основная же масса саамов к этому периоду уже переселилась на северо-запад в Скандинавию. Упомянутые остатки аборигенов в тундрах Европейского Северо-Востока довольно быстро были ассимилированы новыми пришельцами, русскими и особенно ненцами. Очень возможно, что воспетая в ненецком эпосе борьба народных богатырей с иноплеменниками является отражением реальной борьбы ненцев с саамами. А. К. Микушев считает, например, что колвинский эпос или, как он пишет, севернокоми эпос является «оригинальной формой, в которой слились элементы не только коми-зырянские и ненецкие, но обско-угорские и саамские»². Хотя сам колвинский эпос складывался относительно поздно,

¹ Сими́на Г. Я. Дославянская топонимия Пинежья. — В кн.: Вопросы географии. Географические названия. М., 1962, № 58.

² Микушев А. К. Эпос северных коми-зырян. — Тезисы международного конгресса финно-угроведов. Таллин, 1970, т. II, с. 103.

но в него вошли очень древние мотивы, и поэтому вполне реально звучит вышеприведенное высказывание о включении в него саамских элементов.

Первые контакты коми и саамов не получили развития и надолго прервались вследствие вышеупомянутого перемещения основной массы саамов и ассимиляции оставшихся. Новая встреча этих народов произошла лишь в последней четверти XIX в. в результате переселения части коми-ижемцев на Кольский полуостров.

В настоящей статье рассматривается конкретный вопрос о развитии взаимоотношений коми и саамов в конце XIX — начале XX вв. Поднимается он уже не впервые. Во многих исследованиях при изучении других проблем авторы попутно останавливались на нем свое внимание. Цель данной работы — показать результаты культурного обмена и взаимовлияния коми и саамов друг на друга в конце XIX — начале XX вв.

Точную дату начала переселения коми на Кольский полуостров установить трудно, но по имеющимся в литературе данным наиболее вероятным годом появления здесь первых оленеводов-ижемцев следует считать 1887 г. Именно такую дату предлагают В. В. Чернолуский¹ и некоторые другие исследователи. Есть, правда, указания и на более ранние годы появления первых коми в кольской тундре, но они представляются менее убедительными. В 1887 г. в Ловозеро поселились первые четыре семейства ижемцев. С тех пор почти ежегодно на Кольский полуостров прибывало по несколько семей коми со своими стадами. Это переселение было вызвано распространением массовых эпизоотий в печорской тундре. Беглецы пытались спасти своих оленей, уводя их в незараженные районы. Как правило, это были владельцы небольших стад.

Все первые коми переселенцы оседали в с. Ловозеро. И к концу первой четверти XX в. в этом селе их собралось значительное количество. Д. А. Золотарев писал, например, что «из 745 человек жителей приходится на долю лопарей (саамов — Л. Ж.) третья часть, в то время как больше половины ижемцев-зырян, а кроме того, около 60 человек самоедов (ненцев — Л. Ж.) и 30 человек русских»². Первоначально саамско-русские сельские общества не давали согласия на вселение пришлых ижемцев. Поэтому они не имели права основывать свои деревни, а по мере возможности, по степени уступчивости того или иного сельского общества поселялись в уже имевшихся поселениях, главным образом в Ловозере. Однако с годами сопротивление саамских обществ ослабло. Существенную роль сыграли также бурные события предоктябрьских и послеоктябрьских лет. Ижемцы стали основывать свои самостоятельные селения. В первой четверти XX в. коми-ижемцы обитали уже не только в

¹ Чернолуский В. В. Материалы по быту лопарей. Л., 1930.

² Золотарев Д. А. Лопарская экспедиция. Л., 1927, с. 10.

одном Ловозере, но и довольно широко расселились по Кольской тундре, по многим другим населенным пунктам саамов (например, в Сосновском погосте) и, главным образом, в основанных ими самими новых поселениях. Так, возле саамского Каменского погоста в 1917 г. Иван Рочев положил начало деревне Ивановке. В 1926 г. в ней обитало 113 человек. Она переросла упомянутый Каменский погост, где в том же году был всего 61 житель. Вместе с коми в Ивановке поселились несколько ненецких, саамских и две русские семьи.

Принято считать, что ненцы появились на Кольском полуострове вместе с коми. Правда, Чарнолуский приводит полупо- легендарное сказание о том, что первую семью ненцев Хамьяновых завез на пароходе в погост Сосновский русский купец А. Заборщикова в качестве пастухов своих оленей около 1877 г., но он сам оговаривается, что к этому известию следует относиться осторожно и дату считать неустановленной. Несколько- ми строками ниже он пишет и о том, что первые ненцы пришли с коми¹. Думается, что мнение о появлении, представи- телей обоих народов более или менее одновременно является правильным. Подтверждается оно и тем явлением, что эти переселенцы, как правило, оседали вместе в одних и тех же селениях.

Некоторые авторы объясняют данный факт тем, что ненцы были батраками коми-ижемцев. Думается, что это утвержде- ние не вполне соответствовало действительности, так как у основной массы переселившихся ижемских оленеводов было мало оленей и они обычно не держали наемных пастухов. Кроме того, в исследованиях приводятся примеры наличия са- мостоятельных стадовладельцев — ненцев. Так, В. В. Чарно- луский, приводя данные о поголовье оленей на Кольском полу- острове в 1927 г. по каждому народу в отдельности, пишет, что из 20996 голов саамам принадлежало 9428, ижемцам — 7044, русским — 3217 и ненцам 1307 оленей². Следовательно, у ненцев имелись собственные стада, хотя, несомненно, что часть их работала батраками и наемными пастухами.

В 1920 (1921?) г. недалеко от Ивановки возникли еще две коми деревни — Краснощелье и Оксино. В первой из них в 1925 г. было 37 жителей, а во второй — всего 9. По дан- ным Чарнолуского, обе они образовались только в 1924 году. Полагаю, однако, что первая дата более соответствует ис- тине.

Все новые деревни ижемцами основывались вдоль берега реки Поной, которая протекает в средней части Кольского полуострова примерно с северо-запада на юго-восток. На этой же реке в 1923 г. совсем близко к берегу моря (Краснощелье расположено почти в центре Кольского полуострова) Ф. В.

¹ Чарнолуский В. В. Указ. соч., с. 27—31.

² Там же, с. 27—31.

Канев основал д. Каневку. В 1926 г. в ней было четыре добротных дома братьев Каневых. Там же намерены были обосноваться еще несколько семей, в том числе и саамских¹. Чарнолуский пишет, что Каневка была основана в 1924 г., а в 1927 г. туда был перемещен весь так называемый Зимний Лумбовский погост (саамский)².

И. Елькин³ для этих же лет (1925—1926 гг.) дает несколько иные сведения о количестве и распределении коми населения на Кольском полуострове, хотя в принципе его цифры совпадают с данными Д. А. Золотарева. В таблице И. Елькина отсутствует Каневка, поэтому можно предположить, что его сведения относятся к несколько более ранним годам, чем данные Д. А. Золотарева (см. табл. 1).

Таблица 1

Этнический состав населения некоторых поселений Ловозерской волости

Название населенного пункта	Число хозяйств	Количество жителей	В том числе			
			русских	коми	ненцев	саамов
Ловозеро	131	702	26	417	63	196
Воронье	27	130	—	28	—	102
Ивановка	17	72	—	56	16	—
Краснощелье	7	47	—	30	17	—
ВСЕГО	182	943	26	531	96	298
В %		100	2,75	56,7	10,1	31,6

Как говорят все вышеприведенные материалы, в частности данные табл. 1, коми расселялись не по всему Кольскому полуострову, а только в определенной его части, в тундровой зоне. В этой местности они составляли не менее 50% населения. Однако в целом по области картина была совсем иная. По данным переписи 1926 г., коми в Мурманской области было всего 3,1%, а ненцев 0,5% от общего количества населения (саамы составляли 7,5%)⁴. В. В. Чарнолуский по данным переписи приводит таблицу этнического состава населения по интересующим нас поселениям. Мы приводим здесь эту таблицу полностью⁵ (см. табл. 2). Приведенные в ней данные убедительно показывают, что в русских селениях, расположенных в основном на приморском берегу, ижемцев, нет. Некоторое количество их, как об этом написано выше, обосновалось в саамских погостах.

¹ Золотарев Д. А. Указ. соч., с. 21, 22, 25.

² Чарнолуский В. В. Указ. соч., с. 39, 41.

³ Елькин И. Оленеводство на Кольском полуострове (Мурманская губерния). — «Коми муз», Усть-Сысольск, 1928, № 1, с. 13—14.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928, т. I, с. 124—126.

⁵ Чарнолуский В. В. Указ. соч., с. 35.

Таблица 2

Этнический состав населения Летнего Наволока,
по данным Всесоюзной переписи 1926 г. (по материалам КИПС АН СССР)

Наименование населенных пунктов	Кол-во обитаемых пунктов, погостов, деревень	Кол-во хозяйств	Всего жителей	Лопари				Русские		Самоедов	Ижемцев	Прочие народы	Состав селений по национальному признаку, в проц.			
				мужчин	женщин	всего	из них терских	сожитель-ствуют с лопарями	всего				лопари	русские	ижемцы	самоеды
Сосновый погост с. Поной (безлопарский погост)	1	17	68	20	22	42	42	12	12	4	10	61,9	17,6	14,7	5,8	
Русские селения Терского берега	2	77	315						299	8	7	1				
Понойская волость	2	8	43						41		2					
Тетринская волость	7	225	1110						1110							
Кузоменская волость деревня Ивановка	2	251	1040						1040							
выселок Красная Щелья	1	27	113				3	16	16	19	75	2,0	14,0	67,0	17,0	
выселок Оксино	1	14	78							16	62					
выселок Макаровка	1	2	11							3	8					
деревня Каневка ¹	1	1	6							6						
	1	7	27	2	1					4	20	11,1		74,0	14,9	

¹ В 1927 г. Зимний и Лумбовский погосты объединились с деревней Каневкой, данные для которой относятся к 1926 г.

Большинство же коми оленеводов расселилось в деревнях, основанных ими в тундре Кольского полуострова. Ненцы почти везде живут совместно с коми. Количество же саамов в собственно коми деревнях еще незначительно, но очень важно то, что они уже есть. Этот факт показывает процесс сближения трех оленеводческих народов. Он тем более важен, что говорит не о приселении коми к саамам, а, наоборот, о приходе аборигенов в коми деревни. В первом случае мы не могли бы еще уверенно говорить об укреплении доверия и дружбы, а вот данный пример говорит именно об этом.

Коми-ижемцы и прибывшие вместе с ними частично в качестве их пастухов, частично в качестве владельцев собственных стад ненцы совместно с коренными обитателями этих мест саамами составляли основную массу сельского населения Мурманской области, занимавшегося оленеводством на обширных пространствах кольских тундр. Однако дружественные отношения между ижемскими коми и саамами наладились не сразу. И одной из основных причин возникновения неприязни было то, что коми и ненцы пришли в кольскую тундру незванными, вторглись на чужую территорию, нарушили установившуюся традиционную систему хозяйства местных оленеводов, внесли разлад в пути перекочевков, поскольку стали пасты свои стада на уже занятых (распределенных) участках саамских обществ. Хотя переселенцы коми в основном были владельцами небольших стад, так как примерно 50% из них владели не более чем сотней голов, 30% имели от 100 до 200—300 оленей и только 10% хозяев владели относительно крупными стадами по 3—4 тыс. голов¹, они все же создали определенную тесноту и путаницу. Кроме того, они принесли особую систему оленеводства и свой ижемский способ выпаса оленей. И то и другое противоречило саамской системе оленеводства.

Саамы практиковали вольный выпас оленей в летнее время, т. е. на все лето их отпускали без всякого надзора, и они паслись самостоятельно, а осенью вновь стогнялись в общее стадо. Этот осенний сбор оленей отнимал очень много времени и сил, но зато летом саамские семьи были полностью освобождены от ухода за стадом и могли заниматься другими видами хозяйственной деятельности: главным образом рыболовством, а также и охотой². Ижемский же способ требует круглогодичного окарауливания оленей пастухами с помощью собак. Столкновение этих двух методов пастыбы привело к победе ижемского. Саамы восприняли его, правда, не полностью, сохранив или привнеся в него некоторые свои особенности: например, если ижемцы обьезжали стадо на нартах, то саамские пастухи предпочитали пеший обход и

¹ Елькин И. Указ. соч., с. 15.

² Подробнее см. Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова в конце XIX—XX вв. М., 1971, с. 26—29.

т. д.¹ Интересно в данном случае привести отрывок из ненецкой легенды, опубликованной в работе В. Н. Чернецова. В ней говорится:

Таана без чума за оленями пешком ходил,
С осени до весны ходил,
А с весны до осени
На оленях никогда не ездил².

Этот отрывок, мне кажется, может служить дополнительным доказательством того, что у предков саамов (а Таана, как мне думается, может быть отнесен к этому народу) не практиковалась езда на оленях. Они служили вьючными животными и использовались для прочих хозяйственных целей. Эта старинная традиция в какой-то мере сохранялась у саамов до начала XX в.

Затруднялось сближение обоих народов и тем, что сами ижемцы, явившись незванными и встреченные настороженно, а местами и просто враждебно, также держались очень замкнуто, особняком. Последствия этого можно увидеть и в настоящее время. Так, в с. Ловозеро еще в 1970 г. можно было заметить следы прежнего раздельного расселения: коми и саамы селились на разных берегах речки Вирмы, которая разделяет село на две части. Исследователи 1925—1930 гг. постоянно отмечают резкое различие между этими двумя половинами села³. Этой же взаимной недоброжелательностью объяснялось стремление ижемцев поселиться отдельно в стороне от других (саамов и русоких). Поэтому и образовались перечисленные выше деревни, в которых вначале жили одни только коми (и иногда ненцы). Появление отдельных поселений коми в тот период было в какой-то степени вынужденной мерой. В первые десятилетия оба народа (и коми и саамы), по данным исследователей конца первой четверти XX в., относились друг к другу недоброжелательно⁴.

Немалую роль в сохранении настороженности саамов сыграло столкновение двух систем выпаса оленей. Однако, по моему представлению, исследователи коми-саамских взаимоотношений не вполне правильно понимают суть этого столкновения. Даже в новейшем исследовании автор, касаясь этого вопроса, пишет, что ижемские пастухи постоянно натывались на вольно пасущихся саамских оленей и без стеснения присоединяли их к своим стадам. Таким образом, со временем вольный выпас оленей стал практически невозможен для лопарей, так как грозил им потерей стада⁵. В данном случае Т. В. Лукьянченко просто приняла на веру утверждения многих исследователей первой четверти XX в. Однако этот тезис в таком изложении не является

¹ Лукьянченко Т. В. Современное хозяйство, культура и быт саамов Кольского полуострова. — В кн.: Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971, с. 218.

² Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал — Сб. «Советская этнография», 1935, № 4—5, с. 126—127.

³ Золотарев Д. А. Указ. соч., с. 10.

⁴ Лебедев В. К северным народам. М., 1933, с. 130—131, 136.

⁵ Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов..., с. 32.

справедливым. Каждый владелец метил своих оленей. Иначе тем же саамам трудно было бы собрать свое стадо и именно только из своих животных. Кроме того, все авторы отмечают, что в первые десятилетия XX в. кольский олень весьма отличался от пещорского. Следовательно, обнаружить его в стаде ижемца и доказать право собственности было бы нетрудно. Поэтому ижемские пастухи просто не могли «без стеснения» присоединять их к своим стадам. А вскоре и это присоединение оказалось невозможным, так как саамы стали доверять им пастьбу своих оленей. Конечно, в данном случае имело значение то, что ижемец, взяв на себя ответственность за чужих животных, охранял их от хищений, поскольку забой захваченных чужаков, с целью сохранения своего стада, несомненно, существовал. И именно этот забой оленей, а не их присоединение, сыграл определенную роль в отказе от вольного выпаса. Но одной из главных причин отказа, по-видимому, было то, что слишком много времени должен был затрачивать саам на розыск своих оленей, приставших к стадам ижемцев и угнанных ими в разных направлениях. Такую точку зрения высказывал В. В. Чарнолуский, который писал, что «присоединение это (оленей — Л. Ж.) привело к тому, что оленеводы всех селений Терского Наволока были вынуждены отбивать своих оленей в стадах ижемцев, куда они выезжали и выезжают вплоть до самого последнего времени (чумовой маршрут)»¹.

Освоение ижемской системы выпаса саамами шло разными путями. Одним из распространенных, как отмечено выше, была отдача своего стада на выпас коми оленеводу. Этот способ имел два варианта. По первому саам присоединял (по договору) своих оленей к стаду ижемца. По другому варианту саамы нанимали пастуха-ижемца и прикрепляли к нему для лучшего освоения нового способа в помощники-подпаски своего человека. Так, в Лумбовском погосте в 1927 г. часть хозяев отдавала своих оленей коми оленеводу из Каневки, который и заботился о них, присоединив к своему стаду. Другие же решили «нанять пастуха ижемца, а в помощь ему, для обучения и наблюдения за сохранностью стада, выбрать своего лопарского пастуха»².

В. В. Чарнолуский подчеркивает, что «ижемцы вообще являются наиболее культурной оленеводческой народностью»³. Здесь автор, конечно, имеет в виду прежде всего общий, более высокий культурный уровень коми, а также и промышленный характер их оленеводства, но именно эта специфика ведения хозяйства и требовала выработки новых методов выпаса, которые и были стихийно созданы. Ни ненцы, ни тем более саамы подобного опыта вообще не имели.

Итак, можно считать, что ижемская (именно ижемская, а не ненецкая) система выпаса оленей утвердилась на Кольском по-

¹ Чарнолуский В. В. Указ. соч., с. 74—75.

² Там же, с. 75.

³ Там же, с. 30—31.

луострове с появлением там коми оленеводов и сохранилась до середины XX в. без существенных изменений. Но коми принесли с собой не только ее, а и всю свою культурно-бытовую специфику, которая также во многих проявлениях была воспринята саамами (подробнее об этом будет сказано ниже).

Следует коснуться и других сторон хозяйственной деятельности коми и саамов. Здесь также выявляется много сходства, но, как правильно пишут исследователи, в данном случае речь может идти не о заимствованиях, а о единых истоках. Так, например, немало общего обнаруживается в области рыболовства. Но поскольку у тех и других оно является весьма древним занятием, то, следовательно, наличие одинаковых орудий и методов может говорить о едином источнике, об общем для обоих народов месте и времени возникновения их. Совершенно справедливо пишет Т. В. Лукьянченко, что «приемы рыболовства саамов имеют много общего с карелами и коми — двумя соседними «лесными» народами. Что касается способа охоты (ямы, силки, сети и др.), то они не только характерны, а по существу и возможны только в лесной зоне»¹.

Таким образом, в области охоты и рыболовства можно предполагать те или иные мелкие взаимозаимствования, передачу от одного народа другому каких-либо отдельных инструментов, орудий промысла, но нельзя говорить о сколько-нибудь широких влияниях. Наоборот, можно указать даже на некоторые противоречия в подходе к охотничьему промыслу, поскольку в этой области ижемцы действительно допускали хищничество, например, добывая крестоватиков (молодые песцы), охота на которых у саамов считалась запретной².

Несколько большее влияние оказали коми на своих новых соседей в области домашних промыслов и ремесел, но главным образом в тех из них, которые были непосредственно связаны с оленеводством: изготовление одежды и обуви из оленьих шкур, нарт и упряжи для оленей и т. п. Так, например, повсеместно на Кольском полуострове саамы отказались от кережи и перешли на косокопильную ненецкого типа нарту. Вошли в обиход и коми-ненецкая форма запряжки оленей и сам тип упряжи. Как отличие в употреблении нарты саамами можно указать на то, что они до сих пор меньше ездят на ней в летнее время. Исследователи пишут, что местный олень для такого использования не годился: быстро переутомлялся, сгорал. Переход на ижемскую систему выпаса и совместная пастьба ижемских (тундровых) и саамских (горнолесных) оленей привели к их смешению и появлению на Кольском полуострове оленя новой породы, сочетающего черты обоих родоначальников и отличающегося рядом положительных качеств³. Он оказался крупнее и сильнее тундрового, но приобрел ряд его ценных свойств. Например, он сохранил его

¹ Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов..., с. 53.

² Чарнолуский В. В. Указ. соч., с. 110.

³ Брюханов А. Ф. Лесные ненцы Архангельской обл. Л., 1939, с. 1050.

выносливость. Поэтому стала возможна езда на нартах и в летнее время, но как рецидив прошлого обычая сохранилась вышеупомянутая черта в быту саамов — малое использование нарты летом.

Говоря о культурном влиянии коми на саамов, В. В. Чарнолуский писал, что «ижемцы своим расчетливым ведением хозяйства, своими отличными постройками и культурными навыками оказывают положительное воздействие на своих соседей». В частности, он указывал на появление у саамов домашнего скота («часть каменчан переселилась в Ивановку и обзаводится рогатым скотом»), приусадебных участков, обработанных лугов, что «некоторые лопари обратились к полукочевому образу жизни, свойственному ижемцам»¹.

Таким образом, появление коми вслед за русскими на Кольском полуострове способствовало развитию оседлости у саамов. Благодаря примеру этих народов они начали возводить бревенчатые дома, обзавелись хозяйственными постройками, из которых прежде у них был только амбар. Последний привлекает внимание своими характерными особенностями, типичными для промысловых амбаров таежных охотников, в том числе и для коми (тщамья)². Самые характерные его особенности состояли в том, что он устанавливался на одном высоком (до 4 метров) столбепне и попадали в него по приставной лестнице из толстого бревна с зарубками-ступеньками через дверцу-люк в полу. Прочие хозяйственные постройки несомненно являются заимствованными, но нередко очень трудно сказать, от какого народа они восприняты саамами. Во многих случаях этим источником скорее всего были русские, а не коми, хотя и имеются основания думать иначе.

Явно от коми и ненцев позаимствован саамами чум. У обоих вышеназванных народов он практически был одинаковый, так как у ижемцев чум — ненецкий, только несколько переоборудованный с целью большего благоустройства и улучшения условий жизни в нем. Этот улучшенный тип чума, которым пользовались коми и ненцы, был принесен ими на Кольский полуостров, поскольку в тот период на русском Европейском Севере он оказался единственным видом переносного жилища пастуха-оленевода, в какой-то степени отвечающим требованиям предъявляемым к таковому.

Ижемцы — народ с устойчивой культурой постоянного жилища. Их постройки и на Кольском полуострове отличались хорошим внешним видом и внутренним убранством и потому не могли не оказать определенного воздействия на соседей. Поэтому влияние коми прослеживается как в оформлении, так и в мебелировке бревенчатых домов саамов.

¹ Чарнолуский В. В. Указ. соч., с. 155, 159.

² Жеребцов Л. Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII — начале XX вв. М., 1972, с. 74.

До прихода коми у кольских аборигенов были распространены свои во многом не похожие на одеяние других северных народов предметы мужской и женской одежды и обуви. Мы их здесь не описываем, так как это прекрасно сделано в цитировавшихся работах Т. В. Лукьянченко, в особенности в монографии «Материальная культура саамов». Для нашей темы здесь важно то, что имеющиеся у нас материалы и наблюдения других исследователей говорят о том, что привезенные ижемцами типы меховой одежды и обуви в тех местах, где коми и ненцы живут рядом с саамами, почти полностью вытеснили местные типы изделий и вплоть до настоящего времени являлись основным видом костюма не только в тундре, но также и в поселках¹.

Однако восприятие ижемской одежды и обуви саамами не было чисто механическим. Они во многих случаях внесли свои изменения, особенно в обувь, приспособив ее к своим запросам. Для примера можно упомянуть тоборки (тобоки) — летнюю обувь из оленьей кожи. Саамы шьют головки тоборков из нерпичьей шкуры и получают очень удобные легкие и непромокаемые сапоги, которыми пользуются на промыслах, особенно рыболовных. Есть некоторые детали в употреблении саамами и других видов меховой обуви. В частности, они всегда вначале надевают шерстяные чулки и уже на них меховые чулки — липты (сверх которых затем натягиваются пимы). В наименованиях заимствованных предметов одежды и их деталей сохраняются ижемские названия: малица, совик, пимы, липты, тасма (ремень) и т. д.

Выше при описании таких традиционных занятий саамов, как охота и рыболовство, было отмечено наличие в них многих предметов и методов добычи, имеющих общие с другими таежными народами Европейского Севера древние истоки. В традиционном костюме коми и саамов также выявляются подобные же общие элементы: например, специфической формы обувь с загнутым острым носком (кõм по-коми — специальные лыжные ботинки), накидка от комаров (номдõра или кукель по-коми) и т. д.² Р. Ф. Тароева приводит пример, доказывающий, что подобная накидка употребляется карелами и является очень древней³. Очевидно, есть основания видеть в таких элементах костюма, как и вышеотмеченных деталях охотничьего и рыболовного промыслов, отзвуки весьма далеких общих культурных истоков многих северных народов.

Об этом же говорят и приведенные Т. В. Лукьянченко весьма интересные параллели в традиционной народной утвари и ее изготовлении, в методах приготовления и хранения продуктов питания, способах приготовления блюд и т. п.⁴

¹ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник. — В кн.: Одежда народов Сибири. Л., 1970, с. 6.

² Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми (зырян и пермяков). — Труды Института этнографии, т. 45, М., 1958, с. 250, 254.

³ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.—Л., 1965, с. 250.

⁴ Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов..., с. 256.

Таким образом, в области хозяйства и материальной культуры отчетливо прослеживаются, с одной стороны, весьма отдаленные связи саамов с другими нынешними северными народами и выявляются общие истоки в их культурах, с другой так же ясно заметны заимствования, сделанные саамами уже непосредственно из культуры коми-ижемцев.

В области семейного и общественного быта взаимоконтакты в досоветское время развития не получили. Еще в 1925—1927 гг. исследователи отмечали, что ижемцы с окружающими жителями не сливаются, хотя уже начали появляться первые смешанные браки¹. В последующие годы совместное обитание и коллективный труд сблизили оба народа и коми-саамские браки перестали быть редкостью.

Ввиду относительно небольшого периода совместной жизни коми и саамов в духовной культуре, в частности в фольклоре, ни того, ни другого народа этот период отражения не получил.

Подводя общий итог вышеизложенному, можно сказать, что несмотря на непродолжительный срок совместного обитания коми и саамов на Кольском полуострове первые оказали на вторых довольно заметное влияние. Оно сказалось прежде всего в области основного хозяйственного занятия — в оленеводстве. А в связи с этим произошло восприятие связанных с данным производством различных элементов культуры и быта: передвижного жилища (чум), средств передвижения (нарты), упряжи, обстановки чума, одежды и обуви из оленьих шкур (малица, совик, пимы, липты) и т. д. Появление коми усилило процесс оседания саамов, начавшийся еще раньше под русским влиянием.

Все сказанное позволяет считать, что коми сыграли определенную положительную роль в развитии хозяйства, культуры и быта саамов Кольского полуострова в конце XIX — начале XX вв.

---

¹ Чарнолуский В. В. Указ. соч., с. 41.